
УДК 001.3

КАЗАКОВА А.Ю.* АПРОБАЦИЯ И ВНЕДРЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (КОНТЕНТ-АНАЛИЗ АВТОРЕФЕРАТОВ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ). DOI: 10.31249/rsoc/2022.02.03

Аннотация. Методом снежного кома в ходе контент-анализа авторефератов диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук, представленных в базе Российской государственной библиотеки, выделены формы внедрения результатов социологических исследований, обозначенные авторами в традиционных разделах вводной части «Практическая значимость результатов» и «Апробация работы». Обнаружилось семь чрезвычайно неравномерно распределенных форм внедрения результатов в общественную практику. Опираясь на понимание информационной ценности сообщений Клода Шеннона как наименее вероятных, автор обнаруживает высокую предсказуемость постисследовательской судьбы полученных результатов. Фундаментальная наука замкнута на академическое сообщество. Ядро «публичной социологии» в понимании М. Буравого составляет лишь 3% работ. Общее поле можно расширить до 25% работ с менее выраженной открытой исследовательской ориентацией. В этой периферийной части отмеченные факты внедрения результатов в неакадемической среде могут объясняться как осознанной потребностью автора в рефлексивном диалоге с гражданским обществом, так и традициями отдельных научных сообществ по месту защиты.

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Ключевые слова: формы внедрения результатов в практику; информационная ценность; индекс Шеннона; публичная социология.

KAZAKOVA A.Yu. Approbation and implementation of the results of sociological research (content analysis of abstracts of dissertation for the degree of doctor of sociological sciences).

Abstract. Using the snowball method, during the content analysis of the abstracts of dissertations for the degree of doctor of sociological sciences presented in the database of the Russian State Library, the forms of implementation of the results of sociological research identified by the authors in the traditional sections of the introductory part «Practical significance of the results» and «Approbation of the work» are highlighted. Seven extremely unevenly distributed forms of implementation of the results into public practice were found. Based on Claude Shannon's understanding of the informational value of messages as the least likely, the author discovers a high predictability of the post-research fate of the results obtained. Fundamental science is closed onto the academic community. The core of «public sociology», according to the criteria of M. Burawoy, is only 3% of the works. More generally, the field can be expanded to 25% of works with a less pronounced «open» research orientation. In this peripheral part, the noted facts of the implementation of the results in a non-academic environment can be explained both by the author's conscious need for a reflexive dialogue with civil society and by the traditions of individual scientific communities at the place of thesis defense.

Keywords: forms of implementation of results in practice; information value; Shannon's index; public sociology.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Апробация и внедрение результатов социологических исследований (контент-анализ авторефератов докторских диссертаций) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2022. – № 2. – С. 24–40. DOI: 10.31249/rsoc/2022.02.03

Введение

Вопрос о взаимоотношениях гражданского общества и науки актуален в социологии как нигде более, особенно в современных условиях, которые включают «широкое распространение социоло-

гических знаний в глобальном мире, среди различных социальных групп в разных странах» [Сандстром, 2010, с. 6], что повышает «важность социологии как практического инструмента в светском, поликонфессиональном и мультикультурном социальном пространстве» [там же, с. 9].

Исчерпывающе и лаконично эту мысль выразил М. Буравой, определив социологию как «научное видение мира с позиции гражданского общества» [Буравой, 2019, с. 7]. В центр такого видения он поставил социологию публичную, которая выражает себя через СМИ и через взаимодействие «с изучаемыми группами общественности: профсоюзами, различными общественными организациями, с которыми мы вступаем в диалог, ведем дискуссию о ценностях и о том, как они соотносятся с социетальным контекстом» [там же, с. 15].

С момента первой публикации М. Буравого на эту тему [Burawoy, 2005], вызвавшей живой отклик, прошло несколько волн обсуждений на различных профессиональных площадках. Это вдохновленные статьей М. Буравого [Буравой, 2007] круглые столы и дискуссии: в 2007 г. в СПбГУ [Публичная социология, 2007], в 2008 г. в ГУ ВШЭ [Дискуссия, 2009]. Далее, в 2013–2019 гг., постоянно выходили работы, авторы которых представляли историко-социологический анализ генезиса идеи публичной социологии [Кисленко, 2019; Ломоносова, 2015], интерпретацию методологии М. Буравого [Рогозин, 2015; Шуклина, 2016] или возможности ее развертывания в зависимости от конкретной группы, включенной во взаимодействие с социологом [Аникина, 2011; Вдовиченко, 2014; Зборовский, 2014].

С уровня федеральных дискуссий – спустя почти десятилетие после выхода первой статьи – обсуждение судьбы и возможностей публичной социологии в России переместилось на уровень регионов, но весьма неравномерно. Наиболее активно (судя по научным публикациям) в процесс теперь уже эмпирической оценки и даже практического воплощения идеи включились Урал [Зборовский, 2013] и Поволжье [Щукина, Никитина, 2012; Щукина, 2013; Кобякова, 2013; Публичная социология в региональной системе управления ..., 2013]. Авторы представляют опыт участия в общественных слушаниях и экспертных оценках региональных социальных программ, оценивают степень заинтересованности в

диалоге каждой из сторон в триаде «власть – наука – общественность»; пытаются осмыслить проблему противостояния публичной и университетской науки в сравнении с зарубежными институтами (этому посвящена целая серия статей Ю.В. Ставропольского о состоянии и функциях социологии в Японии и Южной Корее [см., напр.: Замогильный, Ставропольский, 2013; Ставропольский, 2016]).

То, что именно региональная социология оказывается особенно чувствительной к обсуждаемой идее, упоминал и сам М. Буравой на примере США, где «борьба за публичную социологию продолжается стараниями “перебежчиков” из числа профессиональной элиты и бесчисленных социологов из неэлитарных учреждений» [Буравой, 2009, с. 163]. Эту закономерность можно объяснить исходя из обозначенной им в той же статье динамики четырех моделей социологии в ЮАР: «Поскольку в ходе фрагментации и нейтрализации гражданского общества постепенно отступали собеседники южноафриканских социологов (общественные и рабочие движения), социологи были вынуждены все сильнее замыкаться в своем сообществе. В силу экономической необходимости они все больше стали работать на заказ, выступая в роли консультантов и изучая предметы, определяемые корпорациями, профсоюзами, неправительственными организациями и т.д. Те самые объединения, которые раньше были союзниками социологов в борьбе против апартеида, стали теперь частью правящего аппарата Южной Африки после краха апартеида, и социология тоже оказалась втянутой в этот процесс» [там же]. Понятно, что в наибольшем удалении от правящего аппарата, крупных коммерческих и государственных заказов оказывается именно провинция, и одним из немногих ее рупоров становятся региональные СМИ. Кроме того, условия провинции, «где все друг друга знают», благоприятствуют возникновению диалога с властью еще и большей доступностью последней, меньшей дистанцией между ее представителями и населением.

Поэтому вопрос о приживаемости публичной социологии в России, в ответе на который сам Буравой колеблется [Буравой, 2009], должен рассматриваться динамически; эмпирически – на основе целостного корпуса объективных, самодостаточных и гомогенных кейсов; с учетом оговоренного Г.Е. Зборовским деления

«поля» науки на социологические центры, полупериферию и периферию. Это деление учитывает «и уровень развитости социологии, и наличие профессионально работающих специалистов, и существование различных структур, осуществляющих социологическую деятельность, и ориентированные на нее СМИ, и отношение населения (уровень его доверия) к данным социологических исследований» [Зборовский, 2013, с. 155].

Материалы и методы

Цель работы – обозначить формы внедрения результатов социологических исследований, оценить их распространенность, в том числе в зависимости от областей социологического знания и таких внешних по отношению к науке факторов, как аффилиация и место защиты диссертации. Для предварительной оценки использовались только диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Они ориентированы на создание новых теорий или концепций и базируются на фундаментальных исследованиях. Вместе с тем отдельные компоненты проблематики могут иметь отчетливую прикладную направленность, а работа в целом – продолжать предыдущие разработки, отраженные в кандидатских диссертациях и уже изданных материалах.

Всего в базе авторефератов докторских диссертаций по социологическим специальностям Российской государственной библиотеки¹ обнаружилось 167 записей за период с 1997 по 2021 г. Удалено нескольких библиографических записей, относящихся к одним и тем же авторам (оставлялась более поздняя запись). Итоговый объем выборки, сформированной методом основного массива, равен 161. Еще в двух случаях отсутствует текст автореферата и диссертации, а в двух в тексте отсутствуют интересующие нас стандартные элементы введения. Таким образом, полностью валидных единиц 157.

Почти 3/4 всех защищенных диссертаций принадлежат специальностям 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы» и 22.00.08 – «Социология управления» (рис. 1).

¹ См.: Электронная библиотека диссертаций РГБ [Электронный ресурс]. – URL: <https://diss.rsl.ru> (accessed: 01.03.2022).

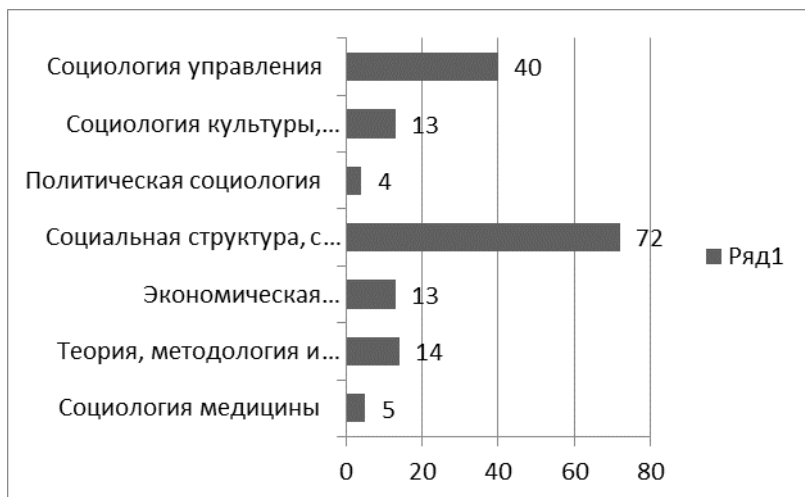

Рис. 1. Распределение защит по специальностям

Треть защит приходится на столицу, далее следуют Санкт-Петербург и Нижний Новгород (рис. 2).

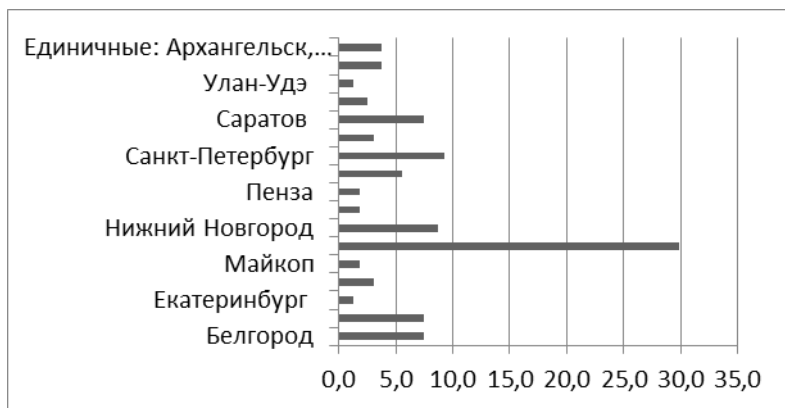

Рис. 2. Распределение защит по регионам, % авторов

Больше половины защит (рис. 3) обеспечили вузы и национальные исследовательские университеты.

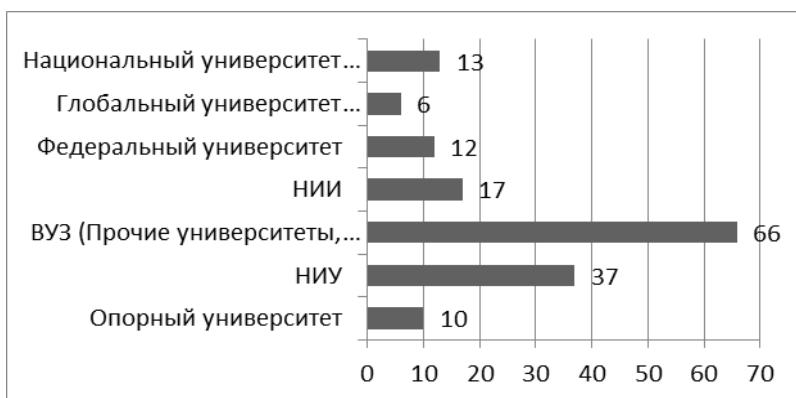

Рис. 3. Распределение защит по статусу организаций

В результате взрывного роста защит в 2013 г. с последующим поступательным спадом основная их доля (66%) пришлась на пятилетку 2012–2016 гг.

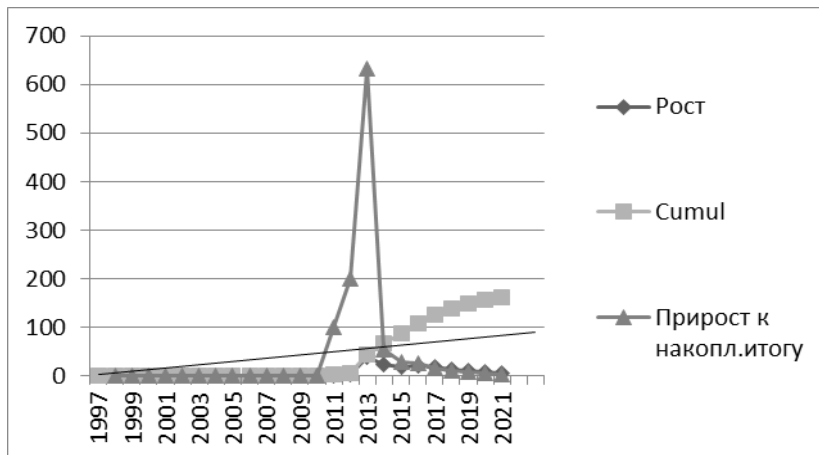

Рис. 4. Распределение защит по годам

Категории анализа выделялись методом снежного кома в ходе чтения авторефератов диссертаций. Сведения о внедрении полученных результатов в практику традиционно приводятся в раз-

делах «Практическая значимость исследования» и «Апробация работы», реже выделяются в отдельный подпункт.

Апробация в форме статей, монографий, докладов на научных мероприятиях является обязательным условием допуска диссертации к защите. Не включалось в анализ также часто упоминаемое авторами участие во всевозможных конкурсах, лауреатами которых они стали, представив на них в той или иной форме результаты своих исследований. И публикации, и конференции, и конкурсы апробируют результаты, но не внедряют.

В прочих случаях принимались в расчет только заявления о свершившемся факте (формулировки «использовано», «внедрено», «применено в ...»), а не указания на потенциальную возможность внедрения, или внесение автором соответствующих предложений / рекомендаций, или обоснование их необходимости в докладах, аналитических справках, служебных записках, открытых письмах и т.д.

Для каждой единицы наблюдения в массиве (которой выступает одна работа) фиксировались год защиты, присутствие / отсутствие в тексте автореферата сообщения о внедрении каждой вновь обнаруженной формы, общее количество использованных форм внедрения, а также характеристика аффилиации и места защиты по типу учреждения и административно-территориальному статусу населенного пункта, где действует учреждение, ставшее местом защиты автора. Комплекс введенных переменных позволил оценить как разнообразие используемых социологами форм внедрения результатов, так и разнообразие самого сообщества с точки зрения ориентации на внутреннюю или внешнюю среду.

В качестве формальной меры данной оценки нами использовался широко применяемый в естественных и гуманитарных науках индекс Шеннона. Данная «информационная мера $<...>$ отражает количество информации, необходимое для определения принадлежности состояния системы к определенному классу (виду) состояний» [Денисенко, 2006, с. 39]. Расчет осуществляется с учетом количества видов в выборке и массы каждого вида, варьируя в пределах от нуля (логарифм единицы), означающего полную видовую однородность, до максимума, которым является $\log S$ (S – количество видов). При этом «индекс Шеннона обычно варьирует

в пределах от 1,5 до 3,5, редко превышая 4,5» [Системная экология, 2017, с. 68].

Результаты исследования

Методом снежного кома выделено, помимо публикационной и конференционной активности, семь форм внедрения результатов, к которым с различной частотой (все семь распределений, согласно критерию Колмогорова-Смирнова, нормальному не соответствуют) прибегали диссертанты.

К этим формам относятся:

1) патентование и получение авторских свидетельств на изобретения – три случая, 2% от всей выборки и от целиком валидных наблюдений;

2) создание баз данных, программного обеспечения, программных средств, сетевых информационных сервисов – два случая, 1% от всей выборки и от целиком валидных наблюдений;

3) разработка авторских курсов для вузов и ССУЗов, руководство аспирантами по проблемам авторского исследования – 94 случая, 58% от всей выборки и 60% от целиком валидных наблюдений;

4) проведение научно-популярных лекций, выступления в СМИ – восемь случаев, 5% от всей выборки и от целиком валидных наблюдений;

5) проведение обучающих семинаров, тренингов, разработка методических программ курсов повышения квалификации для специалистов-практиков – 36 случаев, 22% от всей выборки и 23% от целиком валидных наблюдений;

6) разработка нормативных документов, ввод в работу организаций и учреждений новых социальных технологий, методов и приемов – 46 случаев, 27% от всей выборки и 29% от целиком валидных наблюдений;

7) корректировка и разработка программ и проектов на уровне министерств, структур госуправления, муниципального управления и органов местного самоуправления – 48 случаев, 30% от всей выборки и 31% от целиком валидных наблюдений.

Общее количество случаев использования хотя бы одной формы внедрения результатов – 237.

Самая крупная по объему форма – внедрение результатов в процесс профессиональной подготовки – вместе с чисто теоретической апробацией результатов (публикации и конференции) ориентирована на обмен идеями в академической среде, на воспроизводство научной общности и создание авторских школ. Разработка материалов для среднего профессионального образования встретила лишь один раз: «Рекомендации для подготовки медицинских сестер, которые внедрены в работу Курского базового медицинского колледжа» [Солодухина, 2015, с. 15].

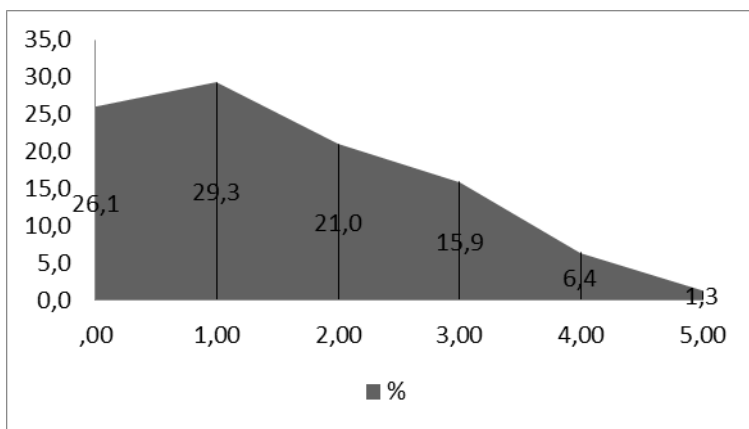

Рис. 5. Доли авторов по количеству использованных форм внедрения

Прочие формы могут использоваться за пределами НИИ, университетов и прочих учебных заведений. Доля таких работ, имеющих признаки «открытой социологии» (в понимании А.Н. Алексеева, давшего одну из лучших интерпретаций методологии М. Буравого [Алексеев, 2008]), равна 60% от всего объема отраженной в работах социологической практики (237 единиц) и 13% от всего объема возможных сочетаний форм научной коммуникации ($157 \times (8-1)$). Признаками же «публичной социологии» обладают работы с такими формами внедрения, как выступления в СМИ и проведение семинаров, тренингов для специалистов тех или иных форм общественной практики, которая входила в объектно-предметную сферу диссертации. Они составляют четверть

всего массива (39 работ, 24,8%) и 3,5% от всего объема возможных сочетаний форм научной коммуникации.

В среднем на автора (из расчета 157 целиком валидных наблюдений) приходится 1,5 случая, но около четверти авторов не использовали ни одной формы, тогда как 7,8% используют 4–5 форм (см. рис. 5).

Вариативность авторских установок на перевод теоретического знания в практическое выше среднего, исходя из сравнения эмпирического значения индекса Шеннона с его максимально возможным значением 2 (см. таб. 1).

Таблица 1

Разнообразие авторов, $H \max = 2$

Валидные	n_i	n_i/N	$\ln(n_i/N)$	$(n_i/N) \cdot (\ln(n_i/N))$
,00	41	0,26	–1,34	–0,35
1,00	46	0,29	–1,23	–0,36
2,00	33	0,21	–1,56	–0,33
3,00	25	0,16	–1,84	–0,29
4,00	10	0,06	–2,75	–0,18
5,00	2	0,01	–4,36	–0,06
Σ	157			–1,56
$H = -\sum_{i=1}^n (p_i \cdot \ln(p_i))$				1,56

Максимальные значения количества использованных форм внедрения – 4 и 5 – встречаются только среди трех специальностей. Это 14.02.05 – «Социология медицины» [Щекин, 2013], 22.00.04 – «Социальная структура, социальные институты и процессы» [Бюраева, 2014; Григоричев, 2014; Домбровская, 2015; Сапрыка, 2017; Шилкина, 2015] и 22.00.08 – «Социология управления» [Герасимова, 2016; Деева, 2013; Захаров, 2016; Макаров, 2018; Максименко, 2019; Суханов, 2015]. Лишь 3% авторов используют сочетание обеих форм популяризации полученного знания (СМИ и лекции в непрофессиональной среде), образуя «ядро» публичной социологии [Григоричев, 2014; Домбровская, 2015; Ефимов, 2016; Максименко, 2019; Сапрыка, 2017].

Если же оценивать разнообразие, опираясь не на количество авторов, а на количество видов и случаев внедрения результатов, его степень окажется на среднем уровне.

Таблица 2

Разнообразие форм, $H_{\max} = 2,08$

Внедрение	Тип ориентации	$n1-n8$	ni/N	$\ln (ni/N)$	$(ni/N)*(\ln (ni/N))$
Не использовано (использованы только различные формы научной коммуникации)	Академическая	862	0,78	-0,24	-0,19
Патенты и авторские свидетельства	Внеакадемическая	3	0,00	-5,90	-0,02
Корректировка и разработка программ на уровне министерств и структур госуправления, органов местного самоуправления	Внеакадемическая	48	0,04	-3,13	-0,14
Авторские курсы для вузов и ССУЗов, руководство аспирантами по своей проблематике	Академическая	94	0,09	-2,46	-0,21
Обучающие семинары, тренинги, методические программы курсов повышения квалификации для специалистов-практиков	Внеакадемическая	36	0,03	-3,42	-0,11
Научно-популярные лекции, выступления в СМИ	Внеакадемическая	8	0,01	-4,92	-0,04
Нормативные документы, социальные технологии и методы работы организаций и учреждений	Внеакадемическая	46	0,04	-3,17	-0,13
Базы данных, программное обеспечение, программные средства, сетевые информационные сервисы	Внеакадемическая	2	0,00	-6,31	-0,01
Σ		1099			-0,846
$H = -\sum_{i=1}^k (p_i \cdot \ln(p_i))$					0,846

Единственными факторами, влияющими на разнообразие этих форм (суммарная переменная итога использованных автором форм), являются место защиты и аффилиация автора. Проверка с помощью однофакторного дисперсионного анализа по критерию Дункана показывает, что на уровне значимости 0,05 наиболее высоким «внедренческим» потенциалом обладают исследования авторов, работающих в НИИ и вообще вне академической среды (государственные или муниципальные и коммерческие учреждения): эта группа по критерию однородности дисперсий может быть выделена в особое подмножество. Что же касается места защиты, различия наблюдаются не столько между типами учреждения (хотя по наименьшему количеству использованных форм апостериорная проверка выделила в однородное подмножество федеральные университеты), сколько между конкретными учреждениями и типами городов. Наименьшее количество использованных форм внедрения характерно для тех, кто защищался в центрах федеральных округов, а наибольшее – для защищавшихся в областных центрах и периферийных городах. Кроме того, сравнение средних и модель ANOVA выявляют различия между конкретными организациями, где проходила защита, т.е. требованиями или традициями диссоветов. Сказанное подтверждает важность институциональных условий для движения социологии в сторону большей открытости.

Заключение

Воспроизводство современной российской социологии остается ориентированным сугубо на академическое сообщество. Это соответствует оценкам, которые характеризуют ее состояние «как инволюционное, связанное с замыканием социологов на своих интересах и противоречиях» [Лыткина, Ярошенко, 2019, с. 101]. Признаками «публичной» социологии обладает ничтожно малое количество рассмотренных работ – не более 3%, если рассматривать целую совокупность показателей ориентации исследователя на внешнюю, непрофессиональную аудиторию. Можно расширить этот объем до 25% (доля авторов, использовавших хотя бы одну из двух форм популяризации полученного знания для более или менее широкой общественности), однако это только предваритель-

ные выводы, полученные на выборке, не репрезентативной ни для всего социологического поля с учетом четырех моделей М. Буравого, ни только для академической (университетской) социологии.

Поэтому ближайшие перспективы анализа определяются необходимостью включения в него работ кандидатов наук: ради полноценного статистического анализа за счет увеличения объема выборки; ввиду потенциально большей ИТ-компетентности молодого поколения ученых; ввиду более узкой проблематики работ, которую легче однозначно связать с конкретной сферой общественной практики. Вместе с тем мы не ожидаем обязательного расширения форм и частоты участия авторов в информационном обмене с внешней социальной средой, поскольку их ограничивают сложившиеся научные традиции, соответствовать которым соискатель-кандидат стремится еще сильнее, чем соискатель-доктор. Поэтому выявить достоверную тенденцию к вызреванию «публичной» социологии в стране будет возможным, вероятно, лишь спустя поколение.

Список литературы

Алексеев А.Н. Что такое публичная социология? [Электронный ресурс]. – 2008. – URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_public.html (accessed: 01.03.2022).

Аникина М.Е. Социологическая информация в российских массмедиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 55–69.

Буравой М. Публичная социология прав человека // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10, № 4. – С. 27–44.

Буравой М. Приживется ли «публичная социология» в России? // *Laboratorium* : журнал социальных исследований. – 2009. – № 1. – С. 162–170.

Буравой М. Социология как призвание (публичная лекция в Санкт-Петербургском государственном университете 24 марта 2015 г.) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2019. – Т. 11, № 18. – С. 6–21.

Бюраева Ю.Г. Формирование слоя менеджеров в социальной структуре модернизирующегося российского общества (на материалах Республики Бурятия) : дис. ... докт. социол. наук. – Улан-Удэ : БГУ, 2014. – 348 с.: 10 ил.

Вдовиченко Л.Н. Социология на службе общества // Социологические исследования. – 2014. – № 2. – С. 134–140.

Герасимова Г.И. Институционализация связей с общественностью в системе социального управления : социологическая концепция : автореферат дис. ... докт. социол. наук. – Тюмень : ТИУ, 2016. – 47 с.

Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен : формирование социального пространства пригорода : дис. ... докт. социол. наук. – Хабаровск : ТОГУ, 2014. – 307 с.: 4 ил.

Деева Н.Н. Социальный механизм управления рынком труда в приграничных регионах Дальнего Востока : автореферат дис. <...> докт. социол. наук. – Белгород : БелГУ, 2013. – 39 с.

Денисенко С.Г. Информационная мера Шеннона и ее применение в оценках биоразнообразия (на примере морского зообентоса) // Исследования фауны морей. – 2006. – Т. 56 (64). – С. 35–46.

Домбровская А.Ю. Социальная адаптация людей с ограниченными возможностями здоровья в современной России : автореферат дис. <...> докт. социол. наук. – Белгород : БелГУ, 2015. – 35 с.

Ефимов Е.Г. Формирование социальных интернет-сетей как группового феномена виртуального пространства : дис. ... докт. социол. наук. – Волгоград : ВолГУ, 2016. – 320 с. : ил.

Замогильный С.И., Ставропольский Ю.В. Развитие и институционализация социологии в Японии // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10, ч. 4. – С. 899–903.

Захаров В.М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала государственного и муниципального управления в регионе : дис. ... докт. социол. наук. – Орел : РАНХиГС, 2016. – 419 с. : ил.

Зборовский Г.Е. Публичная социология в регионе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2. – С. 153–159.

Зборовский Г.Е. Социология – политика – власть – гражданское общество // Вопросы политологии и социологии. – 2014. – № 4. – С. 47–54.

Кисленко И. Социологический анализ институционального аспекта глобальной социологии Майкла Буравого // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 172–194.

Кобякова Т.М. Диалог власти и общественности в контексте публичной социологии // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8, ч. 2. – С. 235–242.

Ломоносова М.В. Социологическая публицистика в России : страницы современной истории и современность // Наследие. – 2015. – № 1. – С. 104–119.

Лыткина Т.С., Ярошенко С.С. Возможна ли социология для трудящихся классов сегодня? // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 101–123.

Макаров С.Н. Социально-управленческие экспертные системы в государственном управлении : диссертация <...> докт. социол. наук. – Москва : РАНХиГС, 2018. – 347 с. : ил.

Максименко А.А. Ценностно-рациональное управление в российских бизнес-организациях в условиях сети деловой среды : автореферат дис. ... докт. социол. наук. – Белгород : БелГУ, 2019. – 39 с.

Публичная социология : круглый стол // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Т. 10, № 4. – С. 5–26.

Публичная социология в региональной системе управления социальной сферой / Митрофанова С.Ю., Никитина Б.А., Чердымова Е.И., Щукина Н.П. – Самара : СамГУ, 2013. – 256 с.

Рогозин Д.М. Методология публичности Майкла Буравого // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2015. – № 2. – С. 22–31.

Сандстром Г. Сравнительный анализ социологии как науки и учебной дисциплины в России и Канаде : дис. ... докт. социол. наук. – Санкт-Петербург : СИ РАН, 2010. – 207 с.: ил.

Сапрыка В.А. Трансформация форм приграничного взаимодействия России и Украины в постсоветском хронотопе : дис. ... докт. социол. наук. – Белгород : БелГУ, 2017. – 415 с. : ил.

Системная экология : учеб. пособие / Л.Б. Попок [и др.] ; под общ. ред. И.С. Белюченко. – Краснодар : КубГАУ, 2017. – 164 с.

Солодухина Д.П. Социологическая концепция медицинской помощи пациентам с хроническими терапевтическими заболеваниями : диссертация <...> доктора социологических наук. – Волгоград : ВолГУ, 2015. – 324 с.

Ставропольский Ю.В. Рыночная ориентация университетов и кризис публичной социологии в Южной Корее // Современная педагогика. – 2016. – № 11. – С. 9–12.

Суханов В.Г. Социологическая модель инновационного управления социальной реабилитацией стомированных инвалидов : автореферат дис. <...> докт. социол. наук. – Москва : ИСПИ РАН, 2015. – 46 с.

Шилкина Н.Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска : особенности и тенденции (по материалам социологических исследований начала XXI в.) : дис. ... докт. социол. наук. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2015. – 482 с. : 10 ил.

Шуклина Е.А. Партиципаторные исследования как феномен публичной социологии и методическая стратегия // Российское социологическое сообщество : история, современность, место в мировой науке : материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского, 10–12 ноября 2016 года. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2016. – С. 1214–1215.

Щекин Г.Ю. Концептуализация феномена медицинского туризма в социологии медицины : автореферат дис. <...> докт. социол. наук. – Волгоград : ВолГМУ, 2013. – 42 с.

Щукина Н.П. Потенциал и проблемное поле публичной социологии во взаимодействии с властью и общественностью // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 8, ч. 2. – С. 211–218.

Щукина Н.П., Никитина Б.А. Инновационный потенциал публичной социологии в формировании и реализации социальных программ регионального

развития // Известия Академии управления : теория, стратегии, инновации. – 2012. – № 2. – С. 49–52.

Burawoy M. For public sociology // American sociological rev. – 2005. – Vol. 70, N 1. – P. 4–28.

Дискуссия : раздел // Laboratorium : журнал социальных исследований. – 2009. – № 1. – С. 160–194.